

УДК 355.48(470+571:44) «1812»:323.26(470.40/.48)

Социальные конфликты в Среднем Поволжье в «эпоху войны 1812 года»

Белоусов С. В.

Belousov S. V. Social Conflicts in the Middle Volga Region During the Epoch of the War of 1812. The article is devoted to the analyses of the social struggle of peasants in the Middle Volga region during the Patriotic war of 1812. The Author mentioned the growth of peasants in number and changing of their's traditional methods of struggle. Different methods of the social protests are analysed.

Keywords: social conflicts, Patriotic war of 1812, Middle Volga region, peasants movement.

Белоусов С. В. Социальные конфликты, в Среднем Поволжья в «эпоху войны 1812 года». Рассмотрены формы социальной борьбы крестьян Среднего Поволжья в период Отечественной войны 1812 г. Автор отмечает количественный рост крестьянских выступлений и изменение традиционных методов борьбы. Проанализированы методы социальных протестов крестьян.

Ключевые слова: социальные конфликты, Отечественная война 1812 г., Среднее Поволжье, крестьянское движение.

Білоусов С. В. Соціальні конфлікти у Середньому Поволжжі в «епоху війни 1812 року». Розглянуто форми соціальної боротьби селян Середнього Поволжжя під час Вітчизняної війни 1812 р. Автор відмічає зростання селянських виступів та зміну традиційних методів боротьби. Аналізуються методи соціальних протестів селян.

Ключові слова: соціальні конфлікти, Вітчизняна війна 1812 р., Середнє Поволжжя, селянський рух.

В своих работах представители официально-патриотического направления досоветской историографии обходили молчаливым вопросом о существовании во время Отечественной войны 1812 г. каких-либо социальных или классовых противоречий, способных привести к серьезным конфликтам. Именно они явились основоположниками концепции единения всех сословий в 1812 г. «вокруг алтаря и престола» и руководящей роли дворянства в борьбе против Наполеона. Наиболее полное и законченное выражение эта концепция получила в работах А. И. Михайловского-Данилевского [14, с. 167, 321, 371].

Историки критического направления досоветской историографии обоснованно опровергли эту концепцию. На основе привлечения архивных и мемуарных источников они сумели показать наличие социальной и классовой борьбы в «эпоху войны 1812 года». В этом отношении показательна статья В. И. Семевского о волнениях крестьян в 1812 г., опубликованная в известном коллективном многотомном труде «Отечественная война и русское общество» [21, с. 74-113].

Представители историографии советского периода, основываясь на теории марксизма, уже в 20-30-е гг. XX в. уделяли большое внимание характеристике крестьянских выступлений в период Отечественной войны 1812 г. [4, 5, 9]. Они попытались увязать проблему классовой борьбы с проблемой патриотизма, делая вывод о том, что крестьянство во время войны одновременно боролось как с помещиками, так и с иноземными захватчиками. Вместе с тем, следует заметить, что практически все исследования этого периода имели один общий существенный недостаток. Авторы замыкались на анализе лишь тех крестьянских выступлений, которые происходили на территории, занятой неприятелем. Так, например, Л. Н. Бычков высказал мнение о том, что «в губерниях, оккупированных наполеоновской армией, не наблюдалось обострения классовой борьбы», так как крестьянство было вынуждено бороться, прежде всего, против «чужденационального гнета» [5, с. 76, 97].

Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в работах Е. В. Тарле, который полагал, что «наличие неприятельской армии в стране являлось не усиливающим, а, напротив, ослабляющим элементом антипомещичьего движения», а «восстания крестьян в 1812 г. были буквально каплей в море сравнительно с гигантским подъемом чувства гнева к иноземному хищнику» [22, с. 176, 178].

В 60-е гг. ХХ в. проблема соотношения в крестьянском движении патриотической и антифеодальной линий получила дальнейшее развитие. Так, С. Б. Окунь полагал, что «выступления против помещиков не ослабили борьбу с наполеоновским нашествием. Они шли параллельным потоком, усиливая друг друга» [16, с. 52-65]. В свою очередь, на тесное переплетение стремления народных масс защитить свою Родину и борьбы за личную свободу указывал и Б. С. Абалихин [1, с. 141].

И. И. Игнатович также рассматривала крестьянское движение «эпохи войны 1812 года» в неразрывной связи с борьбой против Наполеона. В частности, она сделала весьма спорный вывод о том, что «чем дальше отстояла губерния от мест занятых французами, тем меньше зарегистрировано в ней крестьянских волнений [10, с. 89].

По мнению П. Г. Андреева, отношение различных слоев населения к войне с Наполеоном следует искать не в «единении всех сословий вокруг алтаря и трона», а в классовой борьбе [2, с. 67, 77, 93, 104].

Наконец, в 60-е гг. ХХ в. в исследовании А. И. Бычкова нашла свое продолжение и точка зрения Е. В. Тарле. А. И. Бычков отмечал, что продвижение армии Наполеона в глубь России существенно не отразилось на борьбе крестьянства. Крестьянские выступления в 1812 г. стали логическим продолжением многовековой борьбы крестьян против помещиков. Причины этих выступлений следует искать не в нашествии Наполеона, а в усилении крепостного гнета [6, с. 43-58].

Тема классовой борьбы крестьянства в 1812 г. была затронута и в монографии Н. А. Троицкого [23, с. 216-219].

В 2000 г. А. И. Попов подверг сомнению «однаправленность действия» антикрепостнической и патриотической тенденций в крестьянском движении. Он считает, что Отечественная война 1812 г. привела к обострению классовой борьбы крестьянства и, как следствие, «правительству и местным властям приходилось уделять этой проблеме большее, чем обычно, внимание, отвлекая часть вооруженных сил на подавление восстаний» [18, с. 16].

До настоящего времени малоизученным, и потому весьма перспективным, остается изучение проблемы классовой борьбы крестьян в «эпоху войны 1812 года» на материалах т. н. «тыловых губерний». Остановимся на рассмотрении крестьянских выступлений в Среднем Поволжье.

Подготовка и проведение военных кампаний 1812–1815 гг. потребовали от России увеличения военных расходов, основная тяжесть которых легла на податные сословия. Заключение Тильзитского мира пагубно отразилось на состоянии российской экономики и финансов. Присоединение России к континентальной блокаде привело к сокращению экспорта (прежде всего, пеньки и льна) и, как следствие, к резкому уменьшению экспортной выручки.

В этих условиях правительство попыталось найти иные источники увеличения государственных доходов. Важнейшее значение оно придавало усилению сборов с податных сословий. По утверждению М. М. Сперанского, при чрезвычайных обстоятельствах необходимо в первую очередь повышать подати и налоги на основе действующей податной системы [15, с. 29, 30]. Не случайно, по Манифесту 2 февраля 1810 г. подушная подать была значительно увеличена. Для крестьян она возросла с 1 руб. 55 коп. до 2 руб., для мещан и цеховых — с 2 руб. 55 коп. до 5 руб. Процент, взимаемый с купеческого капитала, был повышен с 1,25 до 1,75 [13, с. 75].

Значительно возросли и натуральные повинности. Постоянные рекрутские наборы, формирование ополчения, выполнение подводной, дорожной и квартирной повинностей

ухудшали и без того тяжелое положение податных сословий. Так, по подсчетам И. С. Максимова, крепостные крестьяне Нижегородской губернии с 1 ноября 1811 по 1 ноября 1812 г. поставили в рекруты, ополчение и погонщики по 26,5 человек с каждых 500 ревизских душ. Если рекрутские наборы навсегда вырывали из крестьянских хозяйств необходимую рабочую силу, то подводная повинность лишала их тягловой силы [13, с. 91].

Кроме того, в условиях военного времени податные сословия обязывались поставлять для действующей армии продовольствие и фураж, на них лежала обязанность снаряжения и обмундирования вновь формируемых полков, закупка верховых и подъемных лошадей для ополчения. По мнению И. С. Максимова, натуральные повинности крепостных крестьян Нижегородской губернии, связанные с войной, в денежном эквиваленте составили более 20 руб. с ревизской души [13, с. 92].

Следовательно, наполеоновские войны привели к усилению эксплуатации крестьянства и других податных сословий и вызвали ухудшение их положения, что, естественно, послужило источником роста недовольства народных масс и активизации их борьбы, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы. В декабре 1812 г. советник Елагин доносил из Пензенской губернии, что «в здешнем народе есть искра склонности к бунту и возмущению по прежнему случаю, как в прошлом 1774 году во время возмущения Пугачева: ...сословие дворянства Пензенской губернии находится в великом страхе, а многие из деревень своих уехали в другие губернии, спасая жизнь свою» [20]. В Симбирской губернии также поговаривали о «всеобщем бунте», что «и принудило некоторых из дворян бросить свои поместья и разъехаться в разные стороны» [20, д. 113, л. 18].

В 1812 г. среди помещичьих крестьян средневожских губерний получили широкое распространение слухи о даровании им свободы.

Слухи об освобождении крестьян, распространявшиеся в Поволжье, были тесно связаны с именем М. М. Сперанского и

его ссылкой в Нижний Новгород. Граф Ф. В. Ростопчин писал императору, что Сперанский снискал расположение жителей этого города и сумел уверить их, что пострадал из-за своей любви к народу, которому «хотел доставить свободу», и что государь «принес его в жертву министрам и дворянам». В Пензенской губернии многие помещицы крестьяне даже заказывали молебны за его здоровье и ставили свечи [21, с. 77, 78].

В 1812 г. ходили слухи и о том, что свободу крепостным должен дать Наполеон. В сентябре граф Ф. В. Ростопчин сообщал Александру I, что среди солдат распространился опасный слух, «будто бы наш государь для того дал возможность Бонапарту проникнуть в Россию, чтобы французский император именем его (Александра) провозгласил свободу» [21, с. 79, 80]. Безусловно, слухи о даровании вольности распространялись под влиянием французской пропаганды. В сентябре 1812 г. О. А. Поздеев писал из Вологды С. С. Ланскому, что «французы распространяются всюду и проповедуют о вольности крестьян, то и ожидай всеобщего (восстания)».

Очевидно, предпринимая попытки распространения среди крепостных крестьян идей свободы, Наполеон действовал через своих шпионов. Известно, что еще в мае 1812 г. он предписывал министру иностранных дел Г.-Б. Маре «заложить очаги восстания» внутри России усилиями специальных агентов [23, с. 220]. В январе 1813 г. нижегородский губернатор сообщал князю Г.С.Голицыну, что в Макарьевском уезде был пойман французский шпион, крестьянин Витебской губернии Степан Рычков. Из его показаний выяснилось, что он «и еще два поляка и два француза отправлены из Смоленска, где была квартира Наполеона, в низовые губернии, а именно: он до Перми, а прочие четыре человека до Казани, для разглашения крестьянам, что будет дана им свобода и чтоб потому отложились от повиновения и предались французам» [7].

Вопрос о том, почему Наполеон не отменил крепостное право в России, неоднократно поднимался в

отечественной исторической науке [24, с. 78, 79; 10, с. 80, 81; 23, с. 219-221; 19, с. 38, 39]. Сам Наполеон в речи к сенату 20 декабря 1812 г. так комментировал свою позицию: «Я мог бы поднять против нее [России. – С. Б.] большую часть ее собственного населения, провозгласив освобождение рабов... Но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая обрекла бы множество семейств на смерть, разграбление и самые страшные муки» [23, с. 220].

Н. А. Троицкий, соглашаясь с Е. В. Тарле, отмечал, что «Наполеон не захотел разнuzдать стихию народного бунта, после чего «не с кем» было бы заключить мирный договор. Ради сохранения возможности договориться с императором Александром император Наполеон после некоторых колебаний отказался от того, на что, не колеблясь, пошел бы генерал Бонапарт» [23, с. 220].

Для крестьянского движения в Среднем Поволжье в «эпоху войны 1812 года» были характерны различные методы борьбы, проявлявшиеся как в пассивной, так и активной формах. Крестьяне применяли все те виды социального протеста, которые традиционно использовались ими и ранее.

К пассивным методам борьбы относились подача прошений о вольности, побеги, отказ от выполнения работ. Крестьяне могли доказывать свое право на свободу судебным порядком. Чаще всего они искали судебную защиту, основываясь на своем происхождении. Так, крестьяне д. Игнатовой Поляны Нижнеломовского уезда подали прошение в Пензенскую палату уголовного суда, в котором искали вольность от своего помещика Загорского на том основании, что их прадеды были вольными людьми и в ревизских сказках до 1782 г. писались «из поляков». По 5-й ревизии в 1795 г. они были записаны крепостными, хотя помещик не имел на них никаких крепостных актов [7, ф. 23, оп. 1, д. 170, л. 103-105]. В 1815 г. князь П. А. Волконский подал жалобу в Сенат на саратовское

губернское начальство, которое, по его мнению, не принимало должные меры к приведению в повиновение его крестьян в с. Перевесенки Балашовского уезда. Часть этих крестьян являлись потомками украинцев, ранее поселившихся здесь на свободных землях и считавших себя неправильно закрепощенными, о чем ими и был подан судебный иск о воле [10, с. 270].

Зачастую неповиновение крестьян возникало при передаче их другому владельцу. Этот факт они использовали как повод для выхода из крепостной зависимости. Например, подобное выступление крестьян произошло в с. Кутле Мокшанского уезда. Их борьба с целью выхода из крепостной зависимости продолжалась с перерывами с 1813 по 1818 гг. Дважды, в декабре 1817 и феврале 1818 гг., в село вводилась воинская команда, состоявшая из солдат Пензенского гарнизонного батальона. Лишь после ареста всех руководителей выступления крестьяне прекратили борьбу [12, с. 393-401].

Другой формой борьбы крепостных крестьян являлись побег. В материалах уездных судов довольно часто встречаются объявления и жалобы помещиков о розыске беглых крестьян. В «эпоху войны 1812 года» наблюдалось увеличение числа побегов, что можно связать как с усилением эксплуатации крестьян, так и постоянными рекрутскими наборами и сбором ополчения. Например, если с 1789 по 1811 гг. из Усольской вотчины графа В. Г. Орлова бежало 65 крепостных (в среднем 2,8 человека за год), то в 1812–1814 гг. – 22 (в среднем 7,3 человека за год). На основе изучения «Журналов» заседаний Краснослободского уездного суда можно сделать вывод о том, что в 1812 г. по сравнению с предыдущими годами количество побегов возросло более чем в 2 раза [13, с. 142].

Некоторые беглые, скрываясь в лесах, составляли разбойничьи шайки. Сохранившаяся в фонде Усольского вотчинного правления переписка детально характеризует обстановку вокруг вотчины в 1812–1815 гг. Так, в 1812 г. управитель В. Фомин требовал

от старост «не накаплиять у себя суммы, а сколько наберется, тотчас представлять в контору, которая охраняется крестьянским караулом», по причине того, что «открылась опасность от разбойников». Осенью 1812 г. форшмейстер Ширияев писал, что «на Волге ниже Ставрополя открыта шайка более 20 человек, вооруженных ружьями и пушками», и советовал снаряжать «для охраны конторы в караул молодых людей с ружьями или цепями». Если ранее шайки разбойников «в здешних местах» появлялись только летом, то с 1812 г. в близлежащих лесах и Жигулевских горах они замечались круглый год. Например, в 1814–1815 гг. на территории вотчины прозимовали 7 разбойников [8].

Протест крепостных крестьян мог выражаться в отказе от выполнения различных повинностей, который нередко перерастал в сопротивление действиям местных властей. Так, в феврале 1814 г. начались волнения крестьян в с. Чекашевы Полянки Инсарского уезда. Поводом к выступлению послужило то, что крестьяне, ранее принадлежавшие графине Безбородко, посчитали, будто бы они были не куплены новым господином, сенатором Обресковым, а «завладены силою». Крестьяне отказались выходить на господские работы, мотивируя свои действия тем, что из-за недостатка кормов их лошади сильно отошдали». Они жаловались на отсутствие хлеба и малоземелье, требуя уравнивания их в земле с крестьянами соседнего села [20, ф. 1281, оп. 11, д. 98, л. 29].

Следующей формой социального протеста крестьян была самовольная запашка помещичьих земель, косьба трав и порубка леса, а также самовольный вывоз с полей помещичьего хлеба и сена. Так, в ходе генерального межевания на помещиков были отписаны почти все сенокосные угодья в пойме р. Мокши, которыми ранее владели крестьяне с. Пурдошки Краснослободского уезда. На протяжении многих лет крестьяне пытались легально отстаивать свои права на пойменные дуга, но безуспешно. Не видя иного выхода, летом 1813 г.

более 500 человек самовольно вышли на свои бывшие сенокосные владения на сенокос. Земский исправник, прибывший в село, потребовал от них прекратить работу, а скошенное сено свезти к помещичьим усадьбам. Крестьяне ответили отказом и заявили, что пусть «государь что хочет, то и делает, а они не перестанут косить». Около двух лет крестьяне с. Пурдошки продолжали борьбу за пойменные луга и прекратили ее только после прихода воинской команды [13, с. 148].

К этой форме социального протеста близко примыкает и порча крестьянами господского сельскохозяйственного и иного инвентаря. Интересно, что в этот период к поломке фабричных и заводских машин начинали прибегать и рабочие. В августе 1812 г. владелец Инсарского чугуноплавильного завода Никонов сообщал уездному предводителю Машкову, что мастеровые «делают ему ослушание», не исполняют всех при заводе работ, приходят не с рассветом, а перед обедом, и «сверх же сего нарочито ломают при домне те инструменты, от которых останавливается действием чугуноплавильная домна, которая в этом году задута была уже в третий раз» [7, д. 402, л. 2].

В «эпоху войны 1812 года» заметно увеличилось число поджогов поместий, избиений, попыток убийств и убийств помещиков, членов их семей и представителей администрации. Так, в ноябре 1812 г. в Мокшанском уезде произошло покушение на жизнь дочери ассессора Дмитриева. Ночью к ней в комнату пробрались дворовые девки и попытались ее задушить. Они рассчитывали на то, что это преступление не будет раскрыто, а «оставшая госпожа Евгения Дмитриевна [вторая дочь ассессора Дмитриева. — С. Б.] одна не будет иметь при себе излишек девок и по совершенному возрасту их отдаст в замужество, и они будут жить своими домами» [7, д. 423, л. 12]. В 1814 г. был раскрыт заговор с целью убийства управителя, который организовали «ружейники», охранявшие контору Усольской вотчины. Преступления не произошло, так как один из участников заговора выдал своих товарищей. Заговорщики

отделались достаточно легким наказанием: они были отданы на принудительные работы в самой вотчине сроком на 1 год, и лишь крестьянин Бочкарев был определен на поташный завод «на всю жизнь» [10, с. 448].

С другой стороны, следует отметить, что гораздо большее место в борьбе крестьян стали занимать те методы, которые прямо вытекали из реалий военного времени. Прежде всего, речь идет о побегах и неповиновении властям с целью избежания рекрутства или отдачи в ополчение.

Так, в 1812 г. при проведении 82-го набора чембарский земский исправник Щетинин доносил пензенскому губернатору князю Г. С. Голицыну, что он был в казенных селениях с. Маче и дд. Куликовке и Кукарке для объявления их жителям высочайшего манифеста. «И оных деревень соцкие с лучшими людьми, — писал он, — показали, что состоящие у них на рекрутской очереди обыватели все почти побегом скрылись, и просят для удержания на будущее время от подобных побегов представить их к отдаче после явки в зачет будущих наборов, а отцов или сродственников, которые непосредственно знают о настоящем их укрывательстве, но не объясняют и делают тем всякое пособие на уклонение от государственной повинности, а миру отягощение не отдачею в срок и убытки через платеж штрафных на излишние проезды, предавать суду» [7, д. 425, л. 24]. Пензенский губернатор распорядился, что если «состоящие на очереди в казенных селениях семейства разбежались, то по сей необходимости высылать годных на службу из семейств, под очередью состоящих, а бежавших, когда явятся в селении, предоставить обществам представлять в зачет будущих наборов неукоснительно, дабы не было поводу другим делать подобные побегии» [7, д. 425, л. 25].

В начале ХІХ в. массовый характер приобрело и членовредительство, к которому прибегали рекруты с целью избавления от тяжелой солдатской службы.

В делах Городищенского уездного суда за 1804–1812 гг. удалось обнаружить сведения о 19 случаях членовредительства среди яшашных и помещичьих крестьян, проживавших на

территории уезда [7, ф. 30, оп. 1, д. 32, л. 2; д. 46, л. 1, 37; д. 49, л. 1; д. 64, л. 2-3; д. 69, л. 1; д. 70, л. 1; д. 72, л. 4; д. 82, л. 1; д. 93, л. 5; д. 155, л. 1; д. 179, л. 1; д. 185, л. 1; д. 196, л. 3, 4].
Случаи членовредительства рекруты и члены их семей обычно пытались представить как случайность и заручиться показаниями свидетелей. Так, ясашный крестьянин д. Годяйкиной Василий Дмитриев «недели за две перед Рождеством Христовым при обделывании в избе деревянных лопат без всякого умысла, не для убежания рекрутской очереди, а единственно от нечаянности, отсек у себя левой руки указательного пальца первой сустав, причем были пришедшие в тот день поутру оной же деревни крестьяне Степан Иванов и Григорий Антипов» [7, ф. 30, оп. 1, д. 72, л. 4]. Иногда дело доходило до смешного. Так, крестьянин дочерей покойного генерал-лейтенанта И. В. Левашова, девиц Татьяны, Екатерины и Анастасии с. Лопуховки Игнатий Анисимов, говоря о поврежденном большом пальце левой руки, заявил, что его откусила лошадь, когда он показывал кукиш [7, ф. 30, оп. 1, д. 197, л. 1].

Однако, безусловно, эта форма протеста против рекрутчины была более распространенной. В. Н. Бочкарев отмечает, что в Старорусском уезде Новгородской губернии во время наборов 1812 г. были обнаружены случаи массового членовредительства: из 252 представленных рекрутов 41 человек оказались «с отрезанными пальцами и с растравленными ранами на руках и ногах».

Иногда отдельные крестьяне или даже мирское общество в целом по тем или иным причинам отказывались выполнять рекрутскую повинность, что особенно проявилось в 1812–1813 гг., когда податное население было буквально задавлено рекрутскими наборами и сбором ополчения. Свои опасения по этому поводу неоднократно высказывал в своих письмах из Вологды О. А. Поздеев: «рекрутами крайне мужики отягощены, а нынешний год третий раз рекрутство», «при этакоем частом и строгом рекрутстве и наборах ожидай всеобщего

бунта против Государя, и дворян и приказчиков, кои власть Государя подкрепляют» [17, с. 102, 106]. Так, ямщик Чинской Слободы Краснослободского уезда Матвей Николаев оказал сопротивление обывателям во время его отдачи в рекруты, «причем у одного из них рассек топором одежду, а у другого спину» [7, ф. 6, оп. 1, д. 345, л. 853]. Дворовый человек саранского помещика Скребнева Филипп Иванов при отдаче его в ополчение заявил, что «ежели отдадут его в ратники, то он первый их [своих господ. – С. Б.] перевешает [7, ф. 6, оп. 1, д. 348, л. 474].

Мастеровые Инсарского чугуноплавильного завода Никонова не выставили рекрутов по 79-му, 81-му и 82-му наборам и отказались поставлять ратников во внутреннее ополчение на том основании, что «считали себя не владельческими крестьянами, а приписанными к заводу мастеровыми, с которых по высочайшему указу 9 ноября 1800 г. рекрутов брать не велено». В сентябре 1812 г. казенные крестьяне Болдовской волости Инсарского уезда отказались выставить рекрутов по 83-му набору, мотивируя это тем, что «у них... как рекрут, так и положенной на них одежды еще нет, да и приготовления по оному еще не начато» [7, ф. 6, оп. 1, д. 347, л. 135, 150, 151].

Особое место среди социальных конфликтов, происходивших в Среднем Поволжье, занимают волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. Эти волнения, на наш взгляд, не имели сколько-нибудь заметной антикрепостнической направленности. Скорее они явились следствием негативного восприятия крестьянами формирования земской милиции 1806–1807 гг. и роспуска ополчения в соседней Тамбовской губернии [3, с. 107-125]. Антикрепостнические настроения среди ратников в полной мере могли распространиться в ходе заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. как под влиянием существовавших в их среде иллюзий об освобождении из крепостной зависимости всех крестьян, участвовавших в ополчении, так и в результате знакомства с жизнью тех народов, у которых давно не существовало крепостного права. Возвращение ратников домой после окончания заграничных

походов порождало еще одну форму крестьянского протеста — отказ от повиновения помещикам крестьян-ратников. Декабрист А. А. Бестужев не без оснований писал: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дом, первые разнесли ропот в низшем классе народа. Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили Родину от тирана, а нас вновь тиранят господа. Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своими естественно произвело вопрос, почему же не так, как у нас... Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам, а угнетения дворян — чувствительнее, потому что они стали понимать права людей» [11, с. 35, 36]. Поэтому далеко не случайно, что помещики практиковали сдачу ратников ополчения в рекруты. Так, в Симбирской вотчине графа В. Г. Орлова из 56 возвратившихся в 1815 г. домой ополченцев 16 человек были отданы в том же году в рекруты «за слабое поведение», «распутство», «грубость и непослушание». В Городецкой вотчине графа В. Г. Орлова из 30 человек в рекруты было отдано 24. Сдачу бывших ратников ополчения в рекруты поощряло и центральное правительство. По предписанию, изданному в 1815 г., «воинов, которые, возвратившись из ополчения, окажутся непослушными или беспокойными, было разрешено принимать в рекруты с теми изъянами, которые были допущены по 83-му, 84-му и 85-му рекрутским наборам». Тем самым, помещики получили возможность легально избавляться от крестьян-ратников, вносивших беспокойство и смуту в их имения [13, с. 148, 150].

Таким образом, следует отметить, что в «эпоху войны 1812 года» крестьянское движение в Среднем Поволжье получило свое дальнейшее развитие. Наблюдался не только количественный рост крестьянских выступлений, но и изменение традиционных методов борьбы. Причины роста крестьянских выступлений необходимо искать, прежде всего, в усилении эксплуатации податных сословий, происходившей под влиянием наполеоновских войн.

Для крестьянского движения в этот период были характерны различные методы борьбы, проявлявшиеся как в пассивной, так и активной форме. Крестьяне применяли все те виды социального протеста, которые использовались ими и ранее: подача прошений о вольности, побег, отказ от выполнения помещичьих работ, самовольная запашка помещичьих земель, порубка леса, самовольный вывоз с полей помещичьего хлеба и сена, порча господского сельскохозяйственного и иного инвентаря, поджоги поместий, избиение и убийство помещиков, членов их семей и представителей помещичьей администрации.

Целый ряд выступлений связан с попыткой крестьян освободиться от крепостной зависимости. Это явилось следствием как монархических иллюзий в крестьянской среде, связанных с тем, что после победы над Наполеоном им будет дарована свобода, так и распространившихся в Среднем Поволжье слухов о том, что свободу крестьянам должен предоставить сам Наполеон. Идеи свободы среди крестьянского населения особенно усилились после окончания заграничных походов и возвращения домой ратников ополчения.

Нередко выступления крестьян, начавшись легально, в частности, с подачи прошений о вольности, затем перерастали в отказ от выполнения различных повинностей в пользу помещиков и даже в неповиновение местным властям.

Вместе с тем, гораздо большее место в крестьянском движении стали занимать методы борьбы, вытекавшие из реалий военного времени. Прежде всего, побег и неповиновение властям с целью избежания рекрутства или отдачи в ополчение.

Губернские власти вынуждены были держать наготове значительные воинские отряды [21, с. 78], которые можно было бы направить на подавление крестьянских выступлений, что, без сомнения, отвлекало необходимые вооруженные силы для борьбы с наполеоновской армией.

Примечания

1. *Абалихин Б. С.* Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. / Б. С. Абалихин // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. — Волгоград, 1967.
2. *Андреев П. Г.* Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 года / П. Г. Андреев. — Смоленск, 1959.
3. *Белоусов С. В.* Волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 года / С. В. Белоусов // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Бородино, 4-6 сентября 2006 г. — М., 2007.
4. *Брюллова-Шаскольская Н. В.* Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн / Н. В. Брюллова-Шаскольская. — М., 1931.
5. *Бычков Л.* Война 1812 г. и крестьянство России / А. И. Бычков // Русский народ и война 1812 г. — Сталинград, 1938.
6. *Бычков А. И.* О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 г. / А. И. Бычков // Вопросы истории. — 1962. — № 8.
7. *Государственный архив Пензенской области.* — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 468.
8. *Государственный архив Ульяновской области.* — Ф. 147. — Оп. 14. — Д. 3, 18, 24; Оп. 18. — Д. 29.
9. *Гуковские З. и Г.* Крестьяне в 1812 году / З. и Г. Гуковские. — М., 1932.
10. *Игнатович И. И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. / И. И. Игнатович. — М., 1963.
11. *Из писем и показаний декабристов* / Под ред. А. К. Бороздина. — Спб., 1906.
12. *Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.* / Сборник док-тов / Под ред. С. Н. Валка. — М., 1961.
13. *Максимов И. С.* Повинности населения России в связи с военными кампаниями 1812—1814 гг. / И. С. Максимов // Исторические и политические науки в контексте с современной культурной традиции: Мат-лы IV Сафаргалиев. науч. чтений. — Саранск, 1999.

14. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. / А. И. Михайловский-Данилевский. — Спб., 1839. — Т. 4.
15. Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX в. / В. И. Неупокоев. — М., 1987.
16. Окунь С. Б. Русский народ и Отечественная война 1812 г. / С. Б. Окунь // История СССР. — 1962. — № 4.
17. Письма из эпохи 1812—1815 годов // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. — М., 2001.
18. Попов А. И. О классовой борьбе крестьянства в 1812 г. / А. И. Попов // Самарский исторический ежегодник. 1999. — Самара, 2000.
19. Попов А. И. Белорусский эксперимент Бонапартия / А. И. Попов // Родина. — 2002. — № 8.
20. Российский государственный исторический архив. — Ф. 1286. — Оп. 2. — Д. 289.
21. Семевский В. И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной / В. И. Семевский // Отечественная война и русское общество. — М., 1912. — Т. 5.
22. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год / Е. В. Тарле. — М., 1938.
23. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России / Н. А. Троицкий. — М., 1988.